

Что может быть хуже смерти в этом мире?! Конечно же — всё! Сами посудите, она поголовно решает все проблемы. От незначительных, до ещё менее незначительных, которые тот или иной человек возводит в абсолют. К тому же, вместе со смертью приходит и полное снятие оков этого брэнного мира, будто бы ты погрузился в свой самый крепкий сон: бессознательный, глубокий и чёрный. Все там бывали, а просыпались со странным, возможно, даже неприятным чувством, будто тебя схватили, потянули и притащили в этот мир (ужасный мир света и людей), из прекрасной далёкой пустоты (бесконечной и чёрной). Как бы сказала трёхлитровая банка из-под огурцов (и все ей подобные), имей она сознание и умей говорить: «Пустота — это истинная форма существования, а каждая лишняя капля, крупинка или кусочек уничтожают и отягощают — заменяют пустоту чем-то несоизмеримо неравным».

«И это смысл жизни?» — думала очнувшаяся девушка. Её мысли и в правду забрели слишком далеко. Сравнение с банкой? Что за умора. Но, несмотря на явное осознание странности своих идей, смеяться Сьюзен совершенно не хотелось.

Можно даже сказать: она находилась в состоянии прострации.

Ей казалось, что она лежит, ведь спина упиралась во что-то твёрдое. (Нет, не казалось.) Ей казалось, что головная боль уже утихла, ведь порог чувствительности давно перешёл свой предел. (Нет, не казалось.) Ей казалось, что она смотрела на небо, ясное небо, без единого облачка и флайма. (Нет, не казалось.) Ей казалось, что она самый несчастный человек в этом мире, ведь прошла через самый настоящий кошмар. (Да, казалось, ведь лежавший поодаль одноклассник без частей тела, но продолжающий двигать своей диафрагмой, вполне мог это оспорить. К тому же, он был не единственный в таком ужасном состоянии.)

«Что может быть хуже смерти?» — ранее задавалась вопросом Сьюзен. Возможно, другие ученики были ответом? По крайней мере, тихий произвольный стон лежавшего поодаль одноклассника, да и других тоже, казалось, был ответом на её невысказанный вопрос. Что сказать, печальный немой «разговор».

Сьюзен не раз прокручивала произошедшее в голове, но всё, что там было, так это непонимание происходящего и сцены человеческих смертей. Много смертей. А ещё много боли и терзаний. Расскажи ей кто-то о чём-то таком, ей бы было не по себе. Хотя пережив и прочувствовав всё это на себе, её ощущения немного притупились, поэтому никакого явного отторжения в данный момент времени не было. Даже чувства страха и ужаса приутихли.

«...Пожары... Взрывы... Смерти... Молнии... Как я вообще выжила?» — всё это в виде сцен-воспоминаний время от времени всплывало в её голове.

Наконец-то, в какой-то момент, ей удалось привстать. Оглядевшись, она увидела последствия всего, через что прошла. Увидела множество волшебников, разгребаящих эти самые

«последствия» и помогающих людям (таким, как она сама).

Понимая, что головная боль усиливается (то ли от увиденного, то ли от смены позы), Сьюзен вновь легла на спину. Правда, вернуться к прежнему состоянию лживого спокойствия она уже не могла. Приятная отстранённость от реальности быстро прошла. Вместо неё появилось множество неприятных ощущений и мыслей. Они насильно лезли в голову. Отбросить их не получалось. Благо, к лучшему (или нет?), вскоре у неё закружилась голова, а потом она потеряла сознание. Это стало поводом перенести её тело в другое место.

◇◇◇

...

— Кто вы? — уже не в первый раз спросила Милина Гофф свою спутницу. Та привела её в отдалённое от города место, напоминающее деревенскую школу. Вообще-то говорить «привела» было не совсем корректно, ведь они прилетели.

Ответ был всё тем же:

— Я же уже говорила, одна старая бабка.

Ответ явно не располагал на дальнейшие расспросы. К тому же, побитая и раненная, Милина была слишком зашуганной, чтобы продолжить задавать их.

Старая бабка, как сама себя называла эта женщина, на деле была знакомой Ганца Йохансона. Очень хорошей знакомой. И хоть она не хотела этого говорить, по крайней мере, сейчас, причиной её встречи с Милиной была его просьба. Изначально она звучала так: «...приглядеть за моей ученицей, когда клан Бортэ перейдёт к прямым действиям».

Такое решение было страховкой, но кто бы мог подумать, что клан Бортэ так скоро начнёт действовать? Мнение этой старой бабки склонялось к тому, что всё-таки они были виновниками случившегося. И хоть это не сильно похоже на их стиль, у клана Бортэ есть семья Кудо, способная сотворить и не такое. По крайней мере, бабка искренне верила в это. Однако при всём при этом влезать в разборки она не собиралась. На то у неё были причины: свои и никому не известные.

Милина же выглядела не очень хорошо: бледное лицо, несколько переломов, залившиеся кровью глаза. Правда, на фоне Сьюзен, она была живее всех живых. В месте, куда её привела старая бабка, были и другие люди, а само оно напоминало очень маленькое поселение, с

«деревенской школой» в центре. Первым делом, девушке оказали медицинскую помощь.

Всё время Милина испытывала сильное волнение и боль в груди. А ещё страх и тошнотворный осадок. Она часто прокручивала случившееся в голове. Как сейчас помнила неизвестную магию, защитившую её в тот злосчастный период сошедшего на землю ада. Определённо, это было волшебство её учителя. Она не раз думала о том, что с ним случилось и всё ли с ним в порядке. Больше всего ей хотелось знать, что же произошло на самом деле. Что с остальными одноклассниками, в особенности с её друзьями, которых она так и не «застала» (старая бабка забрала Милину раньше, чем та успела очнуться). И, наверное, главный вопрос: как больше никогда (никогда!) не стать участником такого кошмара. Она думала не о мести и не о поиске истины, сейчас она думала о том, что ей страшно! Лишь слабое желание узнать правду помогало справиться с этим страхом. Но рассказывать ей никто не спешил, а идти узнавать самой — последнее, что она собиралась делать.

В любом случае, ясно одно: страх рано или поздно пройдёт, а вот что будет после — у всех по-разному. Что же будет у Милины? В данный момент времени она даже не думала о том, что это чувство страха может пройти, не говоря уже о своих будущих действиях и поступках.

Глава 137. Неизбежное (часть 9)

(От 1 лица)

Абстрагироваться и играть. Уметь абстрагировать от внешних раздражителей — важная составляющая собственного благополучия и здоровья. Уметь играть для окружающих людей — важная составляющая их благополучия и здоровья.

Я лежал в больничном крыле, принадлежащем семье Кудо. Говорят, их глава самолично явился на место сражения и помог многим раненым. Не лгут.

При этом уже вовсю гуляет слух, что его появление было неспроста. Хотя этот слух зародился ещё после прихода Лилит Бортэ. (Или для этого им и приходиться не нужно было?) В общем, не имеет значения пока это на руку одному человеку, а если точнее — мне.

Кроме помощи на месте, часть раненых (и сильно раненых) клан Кудо забрал под свою опеку. Часть эта состояла в основном из одноклассников и хороших знакомых их младшенькой, а именно — Кудо Сакуры. Так что моё попадание в список «избранных» удивляло (хотя... нет, не удивляло). На такой исход я не рассчитывал, но в любом случае, это куда лучше, чем получит помощь от Регана О'Лири. Идеал, конечно, — это обычный спасатель. Тот, чьё имя остаётся неизвестным, но на счету которого не одна человеческая жизнь. Ну да ладно.

Как бы предвзято я не относился к клану Кудо, нужно было отдать должное: день близился к вечеру, а меня ещё никто не трогал. Даже не допрашивал. Благодать, как говорится.

Моя палата была не очень больших размеров, но зато я был её единственным обитателем, что несказанно радовало. Правда, за мной следили несколько врачей... Слишком уж самовольных врачей, позволяющие себе делать какие-то дополнительные тесты под видом обычных процедур.

К печали (или радости?) мне пришлось их разочаровать. Причём во всех смыслах этого слова. Думаю, с остальными они проделывали то же самое, но так как ничего противозаконного в этом не было, я просто проигнорировал этот момент.

Ближе к вечеру ко мне пришёл посетитель. Как посетитель, точнее более-менее здоровый больной.

— ...Караак! — выплеснула она, будто до этого именно меня и искала. — Я уже подумала ты не здесь, — добавила она, влетев в палату. — Но Сакура сказала, что здесь.

Эта была Эмилия. Та самая Эмилия из второго года обучения, которая и привела меня в дисциплинарный комитет в начале учебного года. Правда, тогда с ней был другой мальчик, как его...

— Чена так и не нашли...

...точно, Чен. Он ведь сидел тогда и готовился к какой-то пересдаче.

— Значит, могут ещё найти, — ответил я.

— Не думаю, — честно сказала Эмилия. Видимо, она не раз обдумывала этот вопрос. Она присела рядом. На ней была больничная пижама до колен, а на лице так и читалась печаль.

— С чего такая уверенность?

— К этому моменту всех выживших должны были уже найти... Просто... Вот так...

— Тогда, вероятно, он умер.

Эмилия посмотрела на меня, то ли кивнув, то ли повертев головой:

— ...ты как всегда прямолинеен, хотя... я знала, что ты не станешь отрицать этого.

Помолчав, я сменил тему:

— Сама как? Ничего не болит?

— Нет, вроде. Ты я смотрю тоже бодрячком, собственно, как и всегда...

— Живой и живой — это самое главное. Рад, что с тобой всё в порядке, а накручивать себя из-за других вещей не вижу смысла.

— ...И такой же холодный... Хотя, в каком-то смысле ты прав... но всё равно грустно и больно... Да и с остальными не всё ясно... О, — пытаюсь отстраниться, Эмилия сама же перевела тему, возможно, чтобы не заплакать, а, может, и нет: — К тебе, кстати, Сакура всё собиралась наведаться, уже была?

— Нет.

— Странно. Она уже всех нас видела. Наверное, забегалась.

— Может и забегалась... Неважно. Я рад, что с тобой всё в порядке, но вид у тебя уставший. Может, вернёшься в палату?

Повисло недолгое молчание.

— ...Знаешь... — наконец-то выдала Эмилия, правда вместо ответа на вопрос, говорила она о чём-то своём.

— Что?

— Я ведь чуть не умерла.

Значит, этой темы нам всё же не избежать...

— Но ты выжила, разве это не главное? — не задумываясь, я ответил шаблоном, который гениальные люди придумали уже очень давно.

— Да, но я как сейчас вижу этот момент перед глазами... Если бы мне не помогли...

— Не стоит заикливаться на таких вещах. Люди часто в шаге от смерти, бывает и там, где не замечают этого. Запечатлеть её яркий образ — образ смерти — нормально. Иногда даже полезно.

— Наверное... Спасибо.

— Не за что, просто скажи «спасибо» тому, кто тебе помог.

— Если бы... Я не знаю, кому говорить.

Эмилия улыбнулась, впервые за время своего прихода. Правда, долго эта улыбка не продержалась.

— Тогда никому не говори. Кто надо и сами знают.

— Так не интересно. О! — издала в конце она, будто ей в голову пришла прекрасная идея. — Не хочешь прогуляться?

— Если честно, то нет...

(А если более честно, я уже хотел побыстрее покинуть это место.)

— Ладно тебе! Хватит бока пролёживать, пошли.

Вцепившись в мою руку, Эмилия совершила не характерный для наших отношений акт (можно даже сказать «насильственный акт») и, потянув меня за собой, вывела из палаты.

Нас встретил оживлённый коридор.

— Пошли, — продолжила она тянуть меня. — Ко мне мы не пойдём, там родители. Я и так их еле убедила отпустить меня.

— Ясно.

Мы вошли в одну из палат, в которой были «доходяги» бывшего дисциплинарного комитета школы №10, если так можно выразиться. Хотя... Бывшего ли? Крайне интересный вопрос.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — послышалось два не очень громких ответа.

Это были первоклассники Леопольд и Исори.

Третий же участник лежал без сознания. Это был один из тех двух второклассников, которые всё время были вместе, но о которых я знал меньше всего. Да и как ни посмотри, сейчас я точно ничего нового о нём не расскажу, так что останавливаться на этой «спящей красавице» не было смысла.

— Ты как? — спросил Леопольд.

— Нормально, а вы? Почему не в своих палатах? — я осмотрелся.

— А, нам уже лучше. Мы не сильно пострадали, — ответил Исори.

— Ясно. Рад за вас.

— Да и в наших палатах родственники с самого утра, вот мы и вышли ненадолго, — добавил Исори.

Где-то я это уже слышал.

— Понятно...

...

Поговорив немного о самочувствии и мелочах, так как о чём-то серьёзном нам с ними разговаривать было не о чем, я выбрал подходящий момент, чтобы уйти. Мне даже удалось выйти из палаты, но, во-первых, Эмилия увязалась за мной, а, во-вторых, на горизонте нас окликнули несколько человек из клана Кудо.

— О, а вот и Сакура, — сказала Эмилия, которая так сильно «прилипла» ко мне, что мы практически соприкасались плечами. Видимо, внутри ей и в правду было не по себе, после случившегося.

Я закрыл на это глаза.

Сейчас лучше задуматься о том, как поскорее покинуть это место. Да и у меня оставалось ещё множество дел и вопросов, которые нужно было решить.

Мысленно вздохнув, я дождался окликнувших нас Кудо.

— Здравствуйте! — тихо и с долей напряжения поздоровалась Эмилия, когда несколько человек подошли к нам вплотную. Это были три женщины, хорошо характеризующие возрастную градацию клана Кудо.

Первая Кудо Сакура — юная девушка, школьница. Ещё недостаточно зрелая, во многом наивная и само собой непонимающая всех тонкостей мироустройства. Не умеет плести интриги.

Вторая Кудо Аяно — молодо выглядящая женщина, действующая госпожа клана. Понимающая уже чуть больше и даже способная вести кое-какие интриги, но в целом, пустышка.

Наконец-то, десерт, хотя правильнее сказать стухшая рыба нашего «фуршета», Кудо Митсуко — старая ведьма, с которой мне уже довелось пересечься в школе. Прожила долго — знает много. Считает себя опытной интриганкой. На деле же — переоценивающая себя маразматичка.

Трое поздоровались в ответ Эмилии.

Я же слегка кивнул, после чего направил и зафиксировал свой взгляд на Кудо Аяно. Смотреть на двух других желания у меня не было. Дабы максимально ускорить весь возможный разговор, я сказал:

— Спасибо за оказанную вашим кланом помощь. Я слышал, глава помог многим, в том числе и мне. Передайте благодарность. Мне уже намного лучше. В ближайшее время я покину больницу.

Пуще всего на моё «заявление» отреагировали двое. Как ни странно, первой оказалась Эмилия. Видимо, она ожидала, что я задержусь здесь подольше. (Извини, нянчиться с тобой я не намерен.)

А вот второй, на удивление (хотя нет), оказалась самая зрелая из всех. Старая ведьма прищурила глаза. Среагировала и ответила она моментально:

— Зачем спешить? Для начала лучше полностью выздороветь. К тому же, дома за тобой всё равно присмотреть некому. А мы очень радушны.

Уметь красиво говорить — это одно дело, но уметь очень тонко вуалировать свои истинные мысли — это уже совсем другое. И в обоих случаях эта старая ведьма преуспела. Я солгу, если скажу, что не воспринял её фразу как: «Я не думала, что сироте есть куда спешить?»

Но из меня был такой же сирота, как из неё великий комбинатор, так и не нашедший свой

стул.

Сладко улыбнувшись, возможно даже, с некоторым самодовольством, я ответил на слова этой старой ведьмы:

— Мишель Лири, уверен, волнуется и переживает за меня. И хоть она сейчас не в стране, такими темпами она вот-вот примчится напрямик сюда. Некрасиво заставлять близкого человека волноваться, разве нет?

Договорив, я посмотрел прямо в глаза Кудо Аяно.

— Так и есть, — холодно ответила та. Кудо Митсуко заговорила сразу за ней, причём не менее «радушно»:

— Ой-ой, а я ведь и позабыла, что тебя там с самого обеда выискивает один человек. Старею.

И хоть говорила она сдержанно и даже издала натянутый смешок, скрыть пренебрежение и злость ей не удалось. По крайней мере, от меня и своей невестки.

— Не переживайте. По-моему, вы и так старая: провалы в памяти — это нормально.

— ...

— ...

Эмилия покраснела и не знала, как реагировать. Кудо Сакура бросила на меня недовольный взгляд. Она, к слову, так ничего и не сказала. Иногда она невзначай поглаживала свою плотно забинтованную руку, точнее не руку, а то, что там было (или не было?). Видимо, пытаюсь привлечь моё внимание, а, может, и нет. В общем, я не хотел и не собирался вникать в это. Могу лишь сказать: что-то, а врачи их клана без дела точно не сидят. Хоть и до полного выздоровления определённно ещё далеко. В любом случае, всё было не напрасно, хах.

Две же женщины тоже посмотрели на меня, правда, сдержанно. Но я явно мог разглядеть некоторое отвращение, даже ненависть. Появились они даже не от шутки, а скорее после упоминания Мишель. Что-то, а вот эту прекрасную девушку стоит беречь, раз даже одним своим именем она способна выводит неприятных мне людей.

— Вот и договорились, — продолжил я вновь. — Эмилия, может, сходишь к родителям? Они должно быть уже волнуются.

Кивнув, сказав спасибо и уверенно попрощавшись, она полетела к себе в палату. То же сделала и Кудо Сакура, после слов своей матери Кудо Митсуко:

— Проводи её, доченька.

Та кивнула и, тихо попрощавшись, пошла вслед за Эмилией. Она даже не глянула в мою сторону перед уходом, да и вид был подавленным. Испорченное настроение дочери явно взбесило старую ведьму. Не то, чтобы я от этого ликовал, но если честно, где-то глубоко в подсознании меня это позабавило.

— Передайте, пожалуйста, ожидающему, что я только схожу переодеться и сразу выйду. Незачем заставлять человека ждать и волноваться.

Ни Кудо Митсуко, ни Кудо Аяно не ответили.

Оставив двух разъярённых женщин себе на уме, я быстро вернулся в палату. Взял кое-какие вещи. Переодеться.

Справился я мигом. Вещей особо-то и не было. Большая часть осталась захороненной на месте «трагедии». К слову, многие называли произошедшее «трагедией». За целый день я очень часто слышал это слово, что в какой-то момент мне даже уже надоело. Но, думаю, что скоро все события обзовут более подходящим термином или словосочетанием, например: «Вот как клан Бортэ решает свои проблемы!» И хоть это название довольно длинное, оно лучше всего выражает нынешнее настроение большинства людей.

Ладно. Будь, что будет. Посмотрим.

Я вышел из палаты. За дверью уже ждала Кудо Митсуко (сама Кудо Митсуко, на минуточку!).

— Ты быстро, видимо, так сильно хочешь покинуть это место? — язвительно поинтересовалась она.

— Ага, — кивнул я.

Почему бы и нет, когда всё так удачно для этого располагает?

— Твоя прямолинейность похвальна...

— А ваша забывчивость — нет.

Идя бок о бок к выходу, она бросила на меня пронзительный взгляд, а затем высказала упрёк (или предупреждение?):

— Не обольщайся знакомством сам знаешь с кем. Это не повод хамить мне.

Думаю, говорила она не столько о самой Мишель, сколько намекала на Регана О'Лири, который, к слову, бросил меня на произвол судьбы. Так что наше «знакомство» больше фикция, чем что-то реальное. Хотя я его понимаю, Подмять под себя Огненных Тигров... Будь я на его месте, тоже расстроился бы. Ха-ха.

Пускай он меня и недолюбливает, но говорить об этом старой ведьме я точно не буду, хах.

Как всё интересно разворачивается.

Высказав мне ещё кое-какие «тонкости» и даже упомянув свою дочь, Кудо Митсуко отстала от меня только у самого выхода из коридора. Что несказанно радовало.

Я же, в свою очередь, не вникал в её слова, а весь недолгий путь лишь наслаждался мыслью о том, как удобно использовать имя Регана О'Лири для упрощения своей жизни. На многих оно действует просто безоговорочно. И как показал сегодняшний опыт, даже сами Кудо не в силах «устоять». Невероятно удобное имя. Да уж, без этого «знакомства» уйти отсюда стало бы куда сложнее. Особенно учитывая, что из-за меня они упустили Хаён.

Поэтому не было ничего удивительно в том, что мысленно я просто высмеивал бессилие Кудо Митсуко и её пылающий гнев. Она осталась у выхода, я же вышел в большую приёмную.

В приёмной было так много людей, что практически нельзя было протолкнуться. Но мне всё же удалось протиснуться и направиться в сторону выхода, к заветной «свободе». Но где-то на полпути ко мне в прямом смысле подлетел человек. И с ним я уже пересекался.

— Ты как?! Она рвёт и мечет! Я слышал, что даже погрызлась со своим дядей. Ещё и эти Кудо стали упрямиться, хотя похоже, они специально, а ещё...

В общем, это был очень длинный монолог-излияние. Закончился он практически тем же, чем и начался:

— ...Я здесь с самого утра, а они не пускают, я им удостоверение, а им всё равно, ещё и Мишель на меня морально давит...

—Трудно вам было.

— Не то слово...

Станислав Гауф вздохнул. Бывший напарник Мишель имел до невозможности растрёпанный вид. То чувство, когда ты бессилен перед упрямым кланом, давящей на тебя девушкой (близким другом), а человек, который бы мог всё решить в один момент (Реган О'Лири), просто остался стоять в стороне.

Мы уже шли вдоль дороги, когда Станислав Гауф наконец-то немного успокоился (замолчал), а так как больница была на территории клана Кудо, свой флайм ему пришлось оставить где-то снаружи. У него не было ни разрешения, ни ордера чтобы спокойно влететь сюда. Даже для такого госслужащего как Станислав Гауф спокойный вход к ним не был простым делом. Как минимум, Кудо могли себе это позволить. Вот нам и нужно было шагать и шагать.

...

— Так ты не ответил, ты как? Что там произошло? До сих пор никто ничего не может найти и понять. Просто кошмарный день.

— Я жив-здоров, а что произошло...

Я вкратце пересказал свою версию произошедшего.

Рассказал, что видел, что пережил. Как меня накрыло, как я оказался под завалом и как выжил.

— ...так всё и было.

— Да уж, повезло тебе.

— Повезло.

— Хоть Мишель обрадуется... Точно, она ведь просила сразу с ней связаться...

Следователь из госбезопасности стал быстро названивать своей напарнице. Страшной напарнице, раз она смогла довести его до такого нервного состояния... Странно, и почему я не замечал такой властности Мишель, сколько с ней не общался? Может, Станислав Гауф просто накручивает себя?

— ...\$%^& ПОЧЕМУ %^&*(ТАК #\$\$%^& ДОЛГО, ^%&#?! — донёсся громкий женский голос. Знакомый женский голос. Просто чарующий голос. Станислав Гауф и в правду накручивает себя.

Глава 139. Забывчивость (часть 2)

(От 3 лица)

В понедельник, после первого рабочего дня, про Мишель Лири можно было сказать такие слова: завтра утром как ни в чём не бывало она с улыбкой на лице выйдет на работу и сделает всё от неё зависящее, пусть даже девушка и была невероятно подавленной. И вот наступило это «завтра».

Она пришла на работу. Она была дружелюбной (относительно дружелюбной). Она улыбалась нечитаемой улыбкой и быстро осваивалась со своими обязанностями, которые ей, к слову, совершенно не нравились. Даже с повздорившим ранее Энрике Бернатом она вела себя как ни в чём не бывало. Наверное, его это бесило даже больше, чем если бы она выказывала своё явное пренебрежение. Но... нет, поэтому ему оставалось лишь молча проглотить своё негодование. Даже Ирвин Мах не мог не оценить такое похвальное поведение девушки, правда, сделал он это лишь мысленно, а затем быстро приступил к работе, от которой отвлёкся на ненужные мысли.

За вчерашний день и сегодняшнее утро Мишель Лири уже запомнила практически всех своих коллег. Там, поодаль, сидел слегка сгорбленный мужчина, ответственный за обратную связь с группами сыска, которые работали в странах Европы. Ему помогало с десяток человек. В другой части офиса была похожая картина, но здесь уже руководила женщина. У неё был скверный нрав, но при этом с Мишель Лири они поладили очень быстро. У неё тоже были в подчинении люди и информацией они обменивались с группами сыска, работающими в странах Азии. Был и другой такой мини-отдел, отвечающий за Объединённый Американский Континент и ещё один, и ещё... Так и был устроен центральный штаб Международной комиссии по вопросу пропажи тел из моргов. И вот во «главе» как раз и сидел уже не малоизвестный Ирвин Мах, который посмел, как считала сама Мишель Лири, заточить её в этом месте — в этой темнице.

И, казалось бы, эту обыденность, спокойствие и отстранённую улыбку на лице новенькой уже ничто не способно разрушить, но вся эта игра быстро полетела в тартарары. Предпосылкой для этого стал Станислав Гауф, который связался с Мишель Лири. Часы тогда ещё не пробили даже полдень.

С тех пор дружелюбную и улыбающуюся девушку больше никто не рискнул окликнуть, как минимум потому, что дружелюбной и улыбающейся она уже не была. А после того, как она ещё и сорвалась на Насте, которая стала от этого даже толще, чем казалось на первый взгляд, Мишель Лири быстро перешла в разряд «неприкасаемой». Правда, Ирвина Маха это не остановило. Он и сам быстро прознал о случившемся (возможно, даже раньше, чем сама Мишель Лири), так что не сильно-то и винил девушку. Точнее, он мог понять её чувства, но всё равно критиковал такое поведение. Но говорить прямо об этом не стал. По его мнению, это были бессмысленные слова, которые по сути ничего не изменят.

Ирвин Мах отвечал здесь за всех и вся, поэтому сразу, как учуял запах керосина, решил переговорить с источником возможной искры. Это был тот редкий случай, когда для разговора он возвёл барьер, дабы всё было тет-а-тет. В целом, он считал это излишней мерой, но так как вопрос этот мог иметь личный характер, он решил предусмотреть столь незначительную мелочь.

...

— Значит, там были ваши знакомые? — без особых вступительных речей, прямо спросил Ирвин Мах.

Вопрос этот пуще прежнего разгневал Мишель Лири. Ей не нравилось, что в её дела лезут. И не нравилось, что новый начальник так быстро определил причину и следствие, связанных с изменением её настроения и поведения.

— Не имеет значения, — довольно холодно, но на удивление спокойно и сдержанно ответила та. Видимо, посчитала, что «взорвись» она сейчас — проиграет. Трудно было сказать, в чём именно проиграет, но проиграет.

— Ясно. Я понимаю. Тогда, думаю, вам стоит взять выходной.

Несмотря на всю свою тактичность и даже некоторую мягкость, в голосе Ирвина Маха явно промелькнули приказывающие нотки. Он не хотел ни спорить, ни утешать — он просто хотел избавиться от проблемы.

Мишель Лири поняла его намёк, и хоть в другой раз она бы с удовольствием покинула это место, сейчас же ей казалось, что от неё избавляются как от проблемы. Хотя нет, не казалось, она прекрасно осознавала, что на деле всё так и было.

Пожав плечами, с видом наигранного непонимания, Мишель Лири всё же согласилась. Не успел Ирвин Мах моргнуть, а её уже и след простыл.

На самом деле, выпроводить её — далеко не самое правильное решение проблемы, потому что такие люди как Мишель Лири лучше всего успокаиваются и становятся менее опасными для общества, когда с головой уходят в работу, а здесь её лишили и этого. Что сказать, Ирвин Мах — не Станислав Гауф: не знает (или ещё не знает) всех тонкостей своего нового сотрудника.

Стоило отдать должное, свежий воздух немного привёл девушку в чувства, но это не отменяло того факта, что Мишель Лири сейчас находилась на грани безумного спокойствия. (И ключевым в этом словосочетании было слово «безумного», а не «спокойствия».) Шагающие со всех сторон прохожие мозолили ей глаза. Дойдя до относительно малолюдного места, что в этом районе Вены было сделать невероятно трудно, она присела и, быстро всё обдумав, связалась с Реганом О'Лири. Вообще, сейчас её бесили две вещи: первая это то, что Станислав Гауф практически ничего не знал, а вторая — что первым делом с ней не связался её дядя, который явно знал больше.

— Привет, Мишка, — донеслось до Мишель Лири.

Это был тот редкий случай, когда она не знала, нужно ли удивляться столь быстрому ответу

своего дяди или нет (а он ответил просто моментально, будто только и ждал её). Кроме того, его обыденный тон тоже вызывал некоторое смятение.

«...Ясно, — в какой-то момент к девушке, казалось, пришло озарение. — Значит, тебе поиграть вздумалось, старый хрыч?!»

Этот факт одновременно утешал и напрягал. Хотя поведение, точнее, тон Регана О'Лири всё равно заставил её почувствовать себя спокойнее. По крайней мере, она была уверена, что если бы он знал новость, способную её сильно огорчить, он бы начал именно с неё.

— Знаешь, — как-то сказал он за обедом, когда она только вернулась с академии, — а твой кролик умер.

Давно это было, сколько не забывала, но рано или поздно это воспоминание всё равно всплывал в её голове. Она тогда сильно расстроилась, даже вкусный обед не смог улучшить её настроение.

Глава 140. Забывчивость (часть 3)

— ...Чего это моя девочка замолчала? Неужто позабыла, что хотела? — слышался голос Регана О'Лири,

— Нет, — холодно ответила Мишель Лири. — Я хочу знать, что у вас там происходит. Я слышала у Ганца Йохансона серьезные проблемы, а ещё...

— Говоришь, слышала? — перебил её Реган О'Лири наигранно-удивлённым тоном. — Что за время: ничего нынче не утаишь от ненужных ушей, — издал он смешок.

— От ненужных?! Ты пытаешься меня ещё сильнее выбесить?!

— Нет, что ты, что ты. Я в общем говорю. Хотя да, ты права, скрыть такое хочешь не хочешь, а не выйдет...

— Хватит! Давай по существу. Я спросила, что там у вас происходит? — повторила Мишель Лири. Говорила она сдержанно, но при этом была уже на грани своего взрывного нрава.

Однако...

— Мишка, ты же знаешь, я и сам не знаю всех подробностей, как узнаю — скажу.

— Ладно, — отрезала девушка. Знал или нет, но сейчас Реган О'Лири не собирался ничего говорить. Сколько не дави, он ничего не скажет... — Это был клан Бортэ?

Вопрос сам собой вырвался из её уст, ответ был таким же спонтанным:

— Затрудняюсь ответить...

«Взаправду не знает что ли...» — секундное удивление посетило Мишель Лири, но быстро прошло.

— Однако... — теперь уже тщательно подбирая слова продолжил говорить Реган О'Лири. — Это может иметь связь с нашим нынешним делом...

— Ясно.

— Это всё, что ты скажешь?

— Да.

— Тебе даже не интересно?..

— Нет.

— Тогда... — начал было Реган О'Лири разочарованным голосом (наигранно разочарованным голосом) в предвкушении закончить этот разговор, но не тут-то было:

— Есть ещё кое-что, о чём я хочу спросить...

...

— Что? Ты не помог?!

...

— В смысле о ком я говорю?!

...

— Какие ещё Кудо?!!

...

— Было много важных дел?!!

...

Говорят, такой по-настоящему злой на своего дядю, Мишель Лири не была даже тогда, когда он выпотрошил и приготовил на обед её кролика.

◇◇◇

(От 1 лица)

...

— Тише, тише, со мной всё в порядке... Да... Никаких экспериментов... Точно... Да... Да что они сделают?.. Конечно-конечно, ты им ещё покажешь... Да, и своему дядя тоже покажешь... Сразу как вернёшься?.. Сейчас вернёшься? Нет, что ты, что ты, сейчас возвращаться не нужно... Конечно скучаю... Не отвечаю тебе?.. Никому не нужна? Тише, тише. Не забывай, пострадавший здесь я... Конечно извиняю... Нет, ты ни в чём не виновата... Твой дядя? Ну он может самую малость... Да, конечно он у тебя получит... Да, обязательно... Всё хватит, хватит. Иначе мы вернёмся к началу... Всё хорошо... Точно-точно, тем более со мной твой напарник. Даже не знаю, чтобы делал без него... Лгу? Я? Конечно же нет... Ладно-ладно, лучше расскажи, что там у тебя, почему такая невесёлая?.. Издеваюсь? Кто? Я? Я бы не стал... А... ясно. Не волнуйся, я последний человек, о ком стоит переживать... Преувеличиваю? Ни в коей мере. Тише, хватит, — немного повысил я свой голос. — Всё обо мне, да обо мне. Итак, как новое место? Устроилась уже?.. Что ты там мямлишь, тебя еле слышно, будто воды в рот набрала...

— Н.Е.Н.А.В.И.Ж.У. Е.Г.О., У.С.Л.Ы.Ш.А.Л?!

— Хах, услышал. Так-то лучше. Вот так и говори. Ну, это нормально. Знаешь, мне тоже когда-то пришлось малость изменить жизнь, тоже на новом месте, тоже по ночам плакал в подушку и всё такое, ха-ха. Да, поначалу не очень-то и нравилось, а потом даже втянулся...

— Когда-то? Только-только перевёлся в новую школу и уже «когда-то»...

— Хах, читаешь меня как открытую книгу, нельзя же так. Так вот, о чём я: ты тоже привыкнешь.

— Да знаю я. Не вчера родилась.

— Вот и хорошо.

После небольшой паузы Мишель продолжила:

— Вообще, извини... Я просто немного выпала из реальности. У тебя точно всё в порядке? Если что-то гложет, ты говори, не держи...

— Точно, не волнуйся. Правда.

— Хорошо... Слышала, там эти волшебники такое устроили — совсем уже с ума посходили...

— Ладно тебе.

— ...Грустно, что ты только стал привыкать к новому месту, а тут такое...

— Приходится подстраиваться... либо подстраивать что-то под себя... Думаю, это нормально. К слову, об этом. Если так не нравится работа в офисе, дополни её чем-то своим. Тебе ведь не обязательно тратить всё время на бумажную волокиту. Займись тем, что нравится (тебе ведь нравится всё крушить?), найди себе единомышленников (чтоб были не прочь крушить вместе с тобой) — школьные кружки по интересам работают примерно так.

— Хах, если мне чего и не хватало, так это твоих самоуверенных и самодовольных речей.

На удивление или нет, но сказанные ею слова было без капли иронии или чего такого.

— Всегда пожалуйста. Спасибо, что так волнуешься обо мне, но больше не надо. Ещё поговорим...

— Всё, наговорился?

— А почему таким недовольным голосом? Мы и так уже час разговариваем...

— От силы минут восемь.

— Вот видишь, с тобой даже восемь минут, как целый час.

— Если ты не знал, то это не комплимент...

— Я знаю...

— Да иди ты!

— Хах, хорошо. Пока-пока. И помни, жизнь слишком проста, чтобы чрезмерно накручивать себя.

Прежде, чем Мишель успела выругаться, я закончил разговор. Тот ещё злодей.

— То ли безбашенный, то ли чрезмерно лобастый — даже не знаю, — пожал плечами и пошутил Станислав Гауф. — Надеюсь, ты не переборщил...

— Та не. Лучший способ успокоить переживающего о тебе человека — показать, что с тобой всё хорошо, то есть вести себя как обычно.

— Наверное, ты прав...

Не знаю, был ли мой ответ столь хорошим или просто Станислав Гауф оказался довольно тактичным (а может здесь не обошлось и без Мишель), но следующими своими словами он предложил залететь к нему домой, обосновав это прекрасными кулинарными навыками своей жены.

Глава 141. Забывчивость (часть 4)

(От 3 лица)

— Вот же ж гад!

Мишиль отбросила устройство связи и облокотилась на спинку дивана, закинув голову назад. Несмотря на свой измождённый вид, впервые за последние часы, а может даже и дни, она ощутила нахлынувшее спокойствие, будто из неё вагонами вывозили весь накопившийся стресс. Ничего не скажешь, приятное чувство. Глаза её были закрыты (кто знал, о чём она думала?), но одно можно было сказать точно, их прикрытый вид выдавал холодное умиротворение. Могло даже показаться, что перед вами не миловидная девушка, просто прикрывшая глаза, а самый что ни на есть труп, который только что умер, при этом умер без

сожалений о прожитой жизни.

Конечно, умирать Мишель Лири не собиралась. И хоть раньше она практически не задумывалась о смерти, в последнее время мысленные рассуждения на эту тему стали всё чаще навещать её голову. Причину таким переменам она не знала (если вообще хотела узнать).

Через пять, а может и десять минут она крепко заснула. Поспособствовала этому и тьма, в которую погрузилась комната. Произошло это за считанные минуты, когда последние лучики сумеречного солнца перестали проникать в окно.

Проснулась она поздней ночью.

Сонная и потерянная, Мишель Лири лишь легла в нормальную позу и укрылась теплым одеялом. И хоть снов она не видела, где-то глубоко в сознании отложился её вечерний разговор.

◇◇◇

(От 1 лица)

...

— Так значит, ты опять повздорил с Мишель? Даже на расстоянии? Тяжело тебе пришлось...

Слова эти были адресованы не мне, а Станиславу Гауфу. Принадлежали они его жене, которая представилась как Саена Гауф. Правда, обращаться к себе она попросила просто по имени.

— Да, — ответил он, а потом добавил, — когда она в гневе, совсем забывает о манерах и тактичности...

— Не злись, она просто слишком нравственная... Я бываю такой же, хи-хи...

Итак, я был в «гостях». Сидел за одним столом с этими двумя и уплетал еду. Делал я это максимально тихо, дабы лишний раз не привлекать к себе внимание (да и затем, чтобы понаблюдать за отношениями между этой парочкой).

— Ты же знаешь, что нет, — уверенно проговорил Станислав Гауф, — По сравнению с ней ты

просто ангел.

— Это он преувеличивает, — вновь издав смешок, Саена Гауф обратилась ко мне.

— Я так и понял, — кивнул я в ответ.

Вообще, девушке было довольно трудно вот так вот привыкнуть к новому человеку, то есть ко мне, и начать спокойно с ним общаться. Это было связано ещё и с тем, что она не знала всей предыстории моего появления в этом доме, будто муж и вовсе не предупредил её о незваном госте. Она даже иногда с некоторым любопытством разглядывала меня. Поэтому, дабы не повисло молчание, а оно бы повисло (за этот вечер такое уже было), я взял инициативу в свои руки и начал разговор:

— Ваш муж уже не впервые помогает мне. Спасибо.

Как ожидалось, в девушке проснулся интерес. Но первым отреагировал сам Станислав Гауф:

— Не в первый раз? — удивился он.

— Тогда, в школе, помните? Два каких-то старика пристали ко мне...

— ...А, ты о Кудо говоришь...

Реакция Саены не заставила ждать:

— Школа? Кудо? Мальчик? Ааа... Так это он?

— Я? — поинтересовался я.

Станислав Гауф кивнул.

— Так значит это он с твоей напарницей...

— С напарницей? — вновь уточнил я.

— А, извини-извини, — Саена Гауф наконец-то отреагировала, — Станислав уже рассказывал о тебе. Я только сейчас поняла, кто ты. И как я могла позабыть твоё имя.

— Это нормально. Так что, хорошие вещи рассказывал или плохие? — пошутил я.

— Конечно, хорошие... Рассказывал, как ты дал отпор Кудо, как помог Мишель, как донимал её во время допроса и другое... В общем, ты много где успел засветиться. Так что я наслышана о тебе.

— Значит, он всё вам рассказывает?

— Всё.

— А вот и не всё, — отреагировал сам Стаислав Гауф.

Девушка посмотрела на мужа:

— Может, и не всё, но практически всё, хи-хи.

— Так-то лучше.

— Даже не знаю, что сказать, — улыбнулся я.

Узнав кто я, Саена Гауф определённо стала более оживлённой. Ясно было одно, Станислав Гауф и в правду не раз упоминал меня в общении с ней. Что сказать, наверное, это хорошо, когда в семье нет секретов, и обсуждаются любые темы, не то, что у некоторых парочек...

— Так получается... — будто что-то вспомнив начала она. — Ты тоже был сегодня в школе? Теперь ясно, почему Мишель так... Эй, надо было всё сразу объяснить.

Последняя фраза и сопутствующий ей взгляд были адресованы Станиславу Гауфу. Правда, тот промолчал.

Прежде, чем из уст девушки успел вылететь очевидный вопрос, я тут же среагировал:

— Со мной всё хорошо.

Запнувшись, она кивнула, но затем всё равно высказалась:

— Это просто возмутительно...

— Ладно вам.

— Но ведь...

— Возмущаться можно хоть до посинения, но это ничего не меняет. А вы...

— Обращайся на «ты».

— ...ты накрыла такой замечательный стол, будто праздник, так что можно поговорить и о более приземлённых вещах. Кстати, а ведь и Мишель мне упоминала о вас, — перевёл я тему, — говорила, ты такая милая девушка, правда, одно время ревновала к ней мужа, хах...

— Нет, это не так... — пыталась было отвертеться Саена Гауф, но затем просто сказала. — Может, самую малость.

— Это нормально, учитывая, какая она красавица. Не правда ли? — я посмотрел на Станислава Гауфа, а затем продолжил. — Хотя с такой женой как ты, — я вернул взгляд Саене Гауф, — ревновать бессмысленно. Уверен, ты и сама об этом знаешь.

Мои слова выдавали каждый раз всё новые эмоции, проскальзывающие как на лице мужа, так и на лице жены. Наблюдать за этим было забавно. Однако факт оставался фактом: эта тема не сильно цепляет их (видимо, они уже со всем разобрались).

— Ничего не скажешь, льстить ты умеешь, — быстро отреагировал Станислав Гауф. И хоть на деле внешне, что Мишель, что Саена Гауф — по большей части были обычными непримечательными девушками, найдутся люди, которые будут выделять их на фоне всех остальных.

— Это не лесть, а комплимент, — исправил я. — К слову, очень вкусно. Твой муж не обманул и готовишь ты и в правду очень хорошо.

— Спасибо. По правде говоря, свободного времени у меня сейчас достаточно много. Вот и разбавляю его всем, чем можно.

— Значит, ты не работаешь?

— Да, пока нет.

— О, значит, ждёте пополнение? — поинтересовался я невзначай.

— Нет-нет, о чём это ты? — вклинился Станислав Гауф. Его поддельная улыбка так и манила меня.

— Я о детях. Таких маленьких, против...

Договорить мне не дала Саена Гауф, которая медленно перевела взгляд на мужа, и, прищурившись, не повышая голоса, спросила:

— Ты и об этом уже рассказал своей напарнице?!

— Конечно нет, ты же просила...

— Тогда?.. — начала она.

...

Немного понаблюдав за их милым диалогом, вскоре мне пришлось встрять:

— Я лишь предположил. Это ведь логично, разве нет? — выглядел я максимально непринуждённо.

Вспомнив о третьем присутствующем, Саена Гауф перевела на меня взгляд. И сначала быстро сказала:

— А... Ясно, — но потом, сузив глаза, посмотрела на меня пронзительным оценивающим взглядом и добавила:

— ...Ты это специально? Верно?

— Я? Нет.

— Он ведь это специально? — не услышав того, что хотела, девушка с некоторым лукавством обратилась к своему мужу.

— Откуда мне знать? И вообще, дай поесть уже, — негодовал тот, хотя казалось, он просто хочет опустить этот разговор; но взгляд жены не дал этого сделать: — Вряд ли... — только и добавил он

— Вот видишь, — пожал я плечами и улыбнулся. — Простое предположение. Так что зря ты наезжаешь меня и на своего мужа.

Набив свой рот, стараясь, видимо, вместе с едой пережевать и проглотить своё «поражение», Саена явно о чём-то интенсивно думала. Чуть позже она заговорила:

— Я вот не могла понять, кого ты мне напоминаешь, а вот теперь поняла, — не то чтобы гордо, но с некоторым удовольствием заявила она.

— Дай угадаю... — вздохнув, начал Станислав Гауф, — это, — и продолжил шёпотом (специально), — моя напарница...

— А вот и нет! Хотя, я сначала тоже подумала о ней.

— Тогда... даже не знаю.

Девушка удовлетворённо засмеялась.

— А ты что думаешь? — затем она обратилась ко мне.

— Ничего.

— Никаких предположений?

— Мы только познакомились, откуда мне знать, что там у тебя в голове происходит? — спросил я как само собой разумеющееся.

— Ну и ладно, — Саена Гауф вновь набила полный рот еды.

— И нам ты уже не скажешь? — поинтересовался у неё муж.

На его вопрос она закономерно с некоторым недовольством покрутила головой по сторонам. Думаю, ещё немного и она вышвырнет меня из своего дома, хах.

К счастью или нет, но в конечном итоге выгонять меня никто не стал. Пробыл я у них дома довольно долго. И хоть мне нужно было заняться ещё множеством других вещей, я предпочёл отложить это всё до завтрашнего дня. Тем более, чета Гауфов и в правду проявила высшую степень гостеприимства. Ушёл я от них ближе к ночи, тем более, жили они в центре, поэтому мне удалось отказаться от ненужного эскорта. Да и этому «эскорту» завтра с утра нужно было на работу.

Отказавшись от всех предложений и жестов доброй воли, я ушёл так быстро, как только мог.

Оставалась просто уйма вопросов: как быть, как жить, что делать?.. И хоть в целом я имел общее представление своих дальнейших действий, это не отменяло того факта, что существовало и множество непредвиденных моментов.

Мне даже не хотелось говорить, что всё пошло не по плану. Ведь плана-то и не было. Хотя, если задуматься, случившимся ведь можно воспользоваться и в своих целях. Под всё это дело копают множество людей. Тот же Станислав Гауф, у которого я недавно был и который явно не

дурак (небось, сидят там со своей женой и перебивают мне кости со всех сторон). Просто нужно дать этим людям то, что они ищут. Хотя, думаю, оно само придёт к ним в руки.

Что ещё? Придётся искать новую школу? Плохой вариант, но с другой стороны Мишель ведь не оставит меня в покое. Надо что-то придумать.

Точно, ещё ведь нужно выкопать Волхва из-под земли. И Ганц Йохансон...

Эх, как много хлопот от самого себя. Но оно того стоило.

Глава 142. Не в себе (часть 1)

Тик-так, тик-так...

Как это часто бывает, погрузившись в работу с головой, дни начинают пролетать один за другим. Особенно хорошо это чувствуется, когда расписана чуть ли не каждая секунда твоего времени. Вот и мотаешься туда-сюда, как сраный веник, что даже фраза «быть одновременно в нескольких местах» становится как будто реальной.

Извращаться так приходилось, чтобы подчистить ненужные следы или немного скорректировать их направление. А делать это, как оказалось, становилось всё труднее и труднее, в первую очередь потому, что каждый раз кому-то так и гораздило доколебаться до меня. И хоть по большей части это были не подозрения, а всего лишь формальности, с ними вполне можно было смириться (но того факта, что это сильно отвлекало, не отменяло).

Вообще, интересный вопрос: можно ли подозревать человека, вроде меня? Я бы сказал, что можно. По крайней мере, я был уверен, что провести некоторую параллель и связать всё со мной, если немного постараться и подумать, не было чем-то невероятным. Несколько раз мне даже казалось (представлялось), что меня раскрыли. Первый раз это случилось уже на следующий день после моего успешного «побега» от Кудо и приятного вечера с семьёй Гауф, когда с самого утра ко мне заявились люди из Антимагического Департамента. (Не скажу, что это было проявлением паранойи, скорее, детский интерес: «А что, если всё-таки “да”?») Правда, разочаровали они меня практически сразу.

...

— О, так это ты?.. Я-то думаю, что за знакомое лицо.

Слова эти принадлежали тому самому Коксу, взбесившему Мишель, когда мы посещали закрытую зону Антимагического Департамента. Правда, встречал я его и раньше, ведь для меня такая приставка как «закрытая зона» не более чем глупая формальность.

— Да. Вы что-то хотели? — мягко поинтересовался я, стоя в дверном проёме.

— С тобой хочет поговорить Юрий Ежи. Он бы и сам пришёл к тебе, но мягко говоря, сильно занят. Вот и попросил нас...

Под «нас», Кокс имел в виду себя и ещё одного АДовца, стоящего рядом. Не думаю, что за мной нужно посылать сразу двоих. Вероятно, до этого они занимались чем-то ещё и уже на обратном пути залетели ко мне.

— Я Маэда Марни. Можно просто Марни, — кратко представилась девушка.

Как и полагается, я представился в ответ, а затем поинтересовался:

— Маэда Исори ваш брат?

— Ты его знаешь?

— Ну да, учимся вместе. Видел его вчера в больнице, рад, что с ним всё хорошо.

Марни ненадолго замялась, но затем быстро кивнула и сказала:

— Спасибо. Нет, не сестра.

— Ясно, вы похожи, вот и предположил... Ладно, дайте мне немного времени, я соберусь, хорошо?

— Да, конечно. Мы ждём, — ответил тогда Кокс.

С мыслями «что за гадство» и «как не вовремя» я пошёл и быстро привёл себя в порядок. Оделся я в обычную одежду.

Так мы и вылетели. Дабы хоть как-то успокоить своё недовольство, я всю дорогу напрягал двух своих «конвоиров» разными вопросами. В общем, раздражал, как мог.

Затем мне пришлось ожидать Юрия Ежи, которого поначалу не было на месте. А потом и общение с ним, где он по несколько раз допытывал, что я видел и как всё произошло. Видимо, в надежде, что я могу вспомнить какую-нибудь деталь.

Он так и сказал:

...

— Караак, ты ведь смышлённый парень. Подумай. Ничего больше не припоминаешь? Может, видел что-то необычное. Или почувствовал?

— Подумал. Точно. Рассказал всё, что помню.

— Эх... Плохо. Куда же мог пропасть Ганц...

— Он пропал?

— А? — с выражением «блин, я оговорился», Юрий Ежи запнулся, но потом всё же ответил. — Что-то вроде того: ни его самого, ни тела, ни часте... то есть да, в общем, его так и не нашли. Поэтому первоочерёдной задачей сейчас является разобраться в ситуации... — он посмотрел на меня исподлобья.

— Нет, я больше ничего не припоминаю.

— Жаль...

Только и сказал он тогда. Этот русский дедок и в правду сильно переживал, а непонимание давило на него огромным валом.

Думаю, нынешняя атмосфера вокруг Юрия Ежи была способна вызвать не просто напряжение у человека, а даже давяще-угнетающее чувство. Описывая его двумя словами, я бы сказал «потерянный человек».

Но, увы, помочь ему я никак не мог: нечего припоминать, когда всё и так является лишь смесью правды и лжи.

Так и не услышав чего-то по-настоящему важного, Юрий Ежи отпустил меня. Лишь попросил в случае чего, тут же связаться с ним. Но ясное дело, делать я этого не буду.

Покинув его, я пошёл по знакомым коридорам закрытой зоны Антимагического Департамента. Учитывая, такую нелепицу, как то, что они спокойно пускают сюда неизвестного ученика, слова «закрытая зона» и в правду являются лишними.

Но стоило отдать должное, после недавнего нападения на это место, от разрушенных мест и беспорядков не осталось ничего. Да уж, маги-строители должны зарабатывать немало.

— Почему ты бродишь здесь? — не успел я задуматься, как меня окликнули.

— Ищу выход.

— ...

Вывели меня из этого места очень быстро... Что сказать, растут.

Покинув АД, я пошёл вперёд по тротуару. Я бы хотел вдохнуть свежего морозного воздуха и заняться своими делами, однако нет. Ведь меня ожидал уже другой человек. Я знал, что он здесь. Поэтому не особо-то и удивился. Но всё равно подумал о том, что, дьявол, как же это всё не вовремя.

— Кого я вижу? Добрый день, лейтенант Наранчик. Или уже не лейтенант, хах?

Хотя, сказав эти слова моё настроение улучшилось, может, он и вовремя.

Правда, свою «коронную» фразу: «Не называй меня так!» — он не сказал. Был он даже какой-то серьёзный. Но меня это всё равно не огорчило.

Глава 143. Не в себе (часть 2)

...

— Вот оно как... — сказал отец Нарана, после моего небольшого монолога. — ...И зачем только ты нам это всё рассказал...

— Зачем? Лишь ответил на вопрос, — я еле удержался, чтобы не издать смешок.

Кроме того, рассказанное мной было далеко не всем. Лишь малюсенькой верхушкой айсберга. Думаю, они и сами это понимали. Правда, нельзя сказать, что такое понимание сильно расстраивало двух родственников. По крайней мере, если судить по их виду, а вид у них был довольно растерянным, услышанного им хватило с головой. Вообще, наблюдать за букетом сменяющих друг друга эмоций дело всегда интересное (особенно, когда это происходит у толстокожих людей, вроде Рамита-старшего).

Я отпил чаю и продолжил:

— Вообще, так приятно: вы редко приглашаете к себе домой. Если я не ошибаюсь, последний раз мы встречались с вами где-то в начале этого месяца, — обратился я к старшему из четы.

— Было такое...

— Хорошо тогда пообщались. Жалко Нарана не было.

— Жалко не жалко, но в отличие от этого раза, тот разговор был куда приятнее.

— Думаете?

— Определённо.

— Тут уж как посмотреть. Ладно, — я слегка пожал плечами, — о чём это я? Так вот, я хотел сказать, что вот так вот втроём, так дружно, — мы встречаемся лишь второй раз... Иронично, не находите?

После моих слов отец и сын не на шутку напряглись.

— Итак, — продолжил я. — Во-первые, я догадывался, что рано или поздно... что так или иначе... в общем, что этот разговор может состояться. Не скажу, что я удивлён. Я даже не удивлен, что за мной еще не вылетела группа каких-нибудь первоклассных волшебников... Хотя, признаю, считал Нарана немного глупее... Не обижайся, хах, — тот промолчал. — В общем, рад, что пока всё ограничилось лишь отцом, то есть вами. Но что дальше? Нет... Перефразирую. Вы правда столь самоуверенны?

— ...О чём ты? — спросил старший.

— Ладно вам, — я отпил чаю. — Все мы взрослые люди. (Ну... — я бросил взгляд на лейтенанта, — может и не все.) Напомните, сколько пострадало? А сколько умерло? Мы ведь с этого начали, не так ли?..

Я сделал ещё один глоток.

— ...И позвали вы меня сюда просто, чтобы подтвердить свои подозрения?

Я принял два тяжёлых взгляда.

— Кстати, Наран, чего молчишь? Воды в рот набрал или отец сказал сидеть да помалкивать? — я издал слабый смешок.

Ожидаемое или нет, но никто так и не ответил. Повисло молчание. Торопить своих собеседников я не собирался. Конечно, хотелось бы закончить все побыстрее, однако видя их реакцию: разочарованные лица, с подрагивающими скулами; зрачки, расширенные до размера водных сфер; сердцебиение (тук-тук), учащающееся с каждой секундой — и ещё много чего ещё, я просто решил дать им время на «принятие» (или же непринятие — тут уж вопрос открытый).

Оставалось восторгаться уже тем, что им не пришло в голову привлекать кого-то со стороны, иначе так мирно мы бы уже никогда не посидели. Хотя это не значило, что они совсем ничего не делали. Правильнее сказать, сейчас они просто не знают, как именно поступить. Как говорится, и хочется, и колется

Сидя в полной тишине, я быстро опустошил свой чай.

— Что скажите?

— ...

— Нет смысла играть в молчанку. Подрались мы с директором — ну и что? — так бывает. Теперь вы уверены в этом. Повторю, что дальше? Прикажите своим людям, засевшим снаружи, схватить меня? Сами схватите? Или, может, позовёте кого-то на помощь?

Возможно, ему не понравился мой тон, но Рамит-старший практически взорвался, говорил он негромко, но с неприкрытой злобой и раздражением:

— Всё верно! Схватим и арестуем и...

— Отец... Отец... Отец... — сделав глубокой вдох, Наран попытался остановить льющуюся словестную браваду своего отца. Вышло это, правда, не с первого раза, но вышло.

— ...Не останавливай меня, сын!

Рамит-старший даже начал приподыматься, смотрел он то на меня, то на схватившего его за руку сына.

— Ему нет смысла останавливать вас, — вскоре мой голос вмешался в дилемму двух родственников. Говорил я слегка повысив голос, но при этом продолжил спокойно сидеть на своём месте. — Мне бы ещё чаю...

— ...

— ...но, судя по всему, вы не предложите. Так вот, ему нет смысла останавливать вас, однако

мы с вами хорошо понимаем, что ни к чему положительному, как минимум для вас, это не приведёт.

— Иначе что, убьёшь меня?! Как и всех этих людей?! Невинных и ничего не понимающих? Опять устроишь какие-нибудь интриги?! Что случилось с теми солдатами? С кланом Морган? Людьями из Антимагического Департамента и Кудо? С детьми из школы?! Зачем ты вообще пошёл туда?! Школьник @\$%#!! Тебе не отвертеться, ты это понимаешь?! Твои руки запятнаны кровью!! Сам ты весь в крови! Жизнь — это тебе...

— Ясно-ясно, но о жизни мы поговорим с вами как-нибудь в другой раз, если он, конечно, будет.

— Его не будет! Тебя либо запрут на веки вечные, либо и того казнят без суда и следствия!

Дабы Рамит-старший немножко успокоился, Наран усилил хватку. Казалось, он в принципе боялся отпускать руку своего отца, как если бы тот был собакой на привязи, желающей вырваться и напасть на проходящего по улице тигра.

Вообще, оставалось удивляться человеческой логике. В другой раз, не будь здесь отца, нечто похожее и, вероятно, даже более резкое и обидное мне довелось бы слышать от самого Нарана. Когда появляется кто-то более впечатлительный, эксцентричный или не понимающий ситуации, остаётся самому немного включить голову. По крайней мере, это был случай Нарана. Или он просто опасался, что я могу убить его? В любом случае, когда оппоненту приходится становиться на твою сторону, это немного упрощает ситуацию.

Я посмотрел на свои руки.

«Пусть уж лучше они будут в крови, чем кровь будет течь из них».

Это была мысль, которая пришла в мою голову.

Это была мысль, не являющаяся мне чуждой.

Эта была верная и правильная мысль.

Нужно хорошо понимать себя и других, чтобы мыслить так; и, увы, я понимал.

— Значит, казнят без суда и следствия? — поинтересовался я, когда Наран смог немного утихомирить своего отца (ключевое слово — «немного»). — Если честно, я не отрицаю, что всё может быть именно так. Более того, я уверен, что, скорее всего, с этого всё и начнётся. Только вот... Нельзя заранее утверждать, что и финал нашей истории будет таким же однозначным...

— Снова угро...

— Замолчи и дай мне договорить, — не задумываясь, я прервал старшего. — В общем, не перебивайте. Итак, допустим, вы обо мне сообщите. Может, напрямую, связавшись с нужными людьми, а, может, и косвенно, предприняв попытку захватить или даже убить меня. Идея, как ни посмотри, прекрасная. И вот момент истины: о моих небольших, скажем так, проступках, узнают. Меня ловят, арестовывают, возможно, убивают (сейчас это не важно); вы — «герои», «зло» повержено, в общем, все счастливы. Расклад просто прекрасный. Не так ли? И если вы и правда думаете, что всё будет так радужно, значит грош вам цена. Значит, умом вы не блещите. Значит, и худшего нам с вами не избежать...

— Это просто угроза! Бессовестная угроза! Шантаж!

— Нет. Что вы. Бессовестная угроза... Шантаж... — всё это было вчера. Я сидел так же, разговаривал так же. Правда, собеседник был один. Он был умнее вас. Хитрее. Сильнее... Но и глупее. (Пока что, глупее.) И знаете что? Я понял одну вещь: угрозы, шантаж, прочее баловство — это явно не моё. Это не то, в чём я силен. Так что нет. Мои слова — это не попытка угрожать. Не попытка шантажировать. Мне незачем этим заниматься. Зачем заниматься тем, в чём ты плох? Зачем использовать свои слабые стороны в решении важных вопросов? Или вы думаете, я халатно отношусь к этому вопросу? Нет, уж поверьте. Вы видите то, что хотите, как, собственно, и многие другие люди, поэтому я вас не виню. Угрозы, шантаж... хах. Нет. Я всего лишь предупреждаю, констатирую факт. Говорю о последствиях. Далеко не радужных последствиях, как вам думается. Говорю о вещах. Ужасных вещах, избежать которых вам не получится. Другое дело — произойдут ли эти ужасные вещи или нет? Я — не знаю. Это будет зависеть уже не от меня. А знаете от кого?

— ...

— Ну же, громче.

— ...

— Не слышу.

— ...

— Верно, от вас.

Я прикрыл глаза — над нами повисла тишина.

Переведя дыхание, дабы хоть как-то успокоить пожирающую его злость, отец Нарана заговорил. Заговорил своим грубым, кажущимся спокойным и таким праведным голосом, будто перед ним потерянный человек, которого легко убедить в своих идеалах, легко навязать свою «веру», свой обман:

— Ты говоришь, что от тебя ничего не зависит... Но ведь это не так. Ты просто хочешь... пытаешься скинуть всю ответственность на других. Снять её с себя... Но это неправильно! Какие последствия?! Какой ужас?! Просто сдайся, признай свои ошибки, злодеяния. Сотрудничай с нами. С правоохранителями. С правительством... Зачем сопротивляться? Зачем заставлять страдать людей, не имеющих с этим делом — с тобой — ничего общего? Сейчас ты не больше, чем просто преступник, по вине которого погибли люди, и будут гибнуть дальше!

Рамит-старший ненадолго запнулся. Казалось, его лицо стало выражать сожаление, как у отца, ругающего своего провинившегося сына. Но, к его несчастью или радости, он мне никто, и я ему тоже.

— Твоим поступкам нет оправдания, — продолжил он, — но если признаешь их сейчас, в будущем тебе будет намного, намного проще...

— Интересно, и в чем же заключается эта простота?

— Ты обладаешь невероятными талантами. Рано или поздно, но твои знания, умения, твой хитрый ум — всё будет оценено, востребовано... Они будут замечены и в какой-то момент затмят, сдвинут на второй план все твои преступления. Но... если ты продолжишь, если вовремя не задумаешься...

— То что? Пострадаю? Буду потом сожалеть и плакаться в подушку? Или, может, стану виновником людских смертей? Вы говорите красивым языком, но очень, очень поверхностным и шаблонным. Сколько вы уже в правоохранительных органах? И не знаете всей подноготной? Или просто придуриваете, считая, что перед вами очередной наивный обыватель? Смешно!

— Это!

— Не имеет значения что это или что вы имели в виду. Есть реальность. И в этой реальности единственным, безопасным и безобидным вариантом для всех будет оставить меня в покое, иначе...

— Эта реальность — лишь плод твоего извращенного воображения!! — отец Нарана подорвался с места. — Не более того!!! Тебя арестуют! Арестовать его!

— ...

— Арестовать!

Однако меня никто не арестовывал. Секунда, две, десять — никто так и не появился.

Наран на мгновение выпал из реальности, то ли от криков своего отца, то ли от того, что тот резко вырвал руку из его железной хватки. Лейтенант рассматривал свои пальцы потерянным взглядом, будто в них был ответ на все вопросы. Но где-где, а в них ответа точно не было. Оставалось лишь сочувствовать тяжести положения, в которое он попал: с одной стороны лающий о моральности отец, которого он не предаст даже за все блага мира; с другой — непробиваемый мудака (как он считает сам), который «предаст» всех ради капли своего спокойствия. Выбор очевиден. Но этот очевидный выбор является так же очевидно и самым проигрышным, как на него не посмотри. Даже патовой эту ситуацию назвать было трудно.

Сам же виновник шума — Рамит-старший — смотрел на меня, выпучив свои глаза.

— Арестовать!! — повторил он.

Но так же как и раньше, ничего не произошло. Разве что этот крик вернул в реальность летающего в облаках Нарана.

— Мне убить и их?

Повисшую тишину нарушил новый голос, прозвучавший где-то у меня из-за спины.

Глава 145. Не в себе (часть 4)

(От 3 лица)

— Я с вами не пойду?..

— Нет. В этот раз ты останешься здесь. Восстанавливайся.

Такой ответ немного удивил Хаён. Она даже чуть было не переспросила: «Восстанавливаться?!» — но вовремя спохватилась и сдержалась. А результатом всего этого остался лишь её слегка приоткрытый рот. И такая реакция не была чем-то удивительным или

странным, учитывая, что всё последнее время она провела в прямом смысле, как тень, верно шагая за своим спасителем. А с момента их совместной жизни, если это можно было так назвать, она была в ситуациях, когда предложение восстановиться ей не помешало бы по-настоящему. Но даже тогда этот Хэй — безжалостный тип и наставник — и не собирался говорить: «Восстанавливайся». Или хотя бы: «Отдыхай». Нет и еще раз нет. Такого не было.

Правда, это не значило, что он измывался над ней до самой крайности. Время на кое-какой отдых и сон у неё, конечно же, было. Но если говорить без преувеличения и лжи, иногда этого не хватало. Сильно не хватало. Однако Хэй был непоколебим в своих тренировках и методах воспитания.

Кроме того, учитывая как мало времени прошло с начала её «новой» жизни, она уже неплохо понимала этого щетинистого мужчину. Но явно не потому, что он её привлекал или что-то в этом роде. Дело было в другом: всё, что она видела, — это Хэй (практически), всё, с чем она общалась, — это тоже Хэй (практически). Хотела или нет, но ей пришлось начать по чуть-чуть узнавать его.

Иногда ей казалось, что она ему очень, очень сильно надоела и была уже в самых печёнках (и это — мягко говоря!), но было ли так на самом деле оставалось вопросом. Хаён считала, что да. Например, в один из дней она подпортила важную работу. Как подпортила, просто свела все результаты на нет. Поэтому правильнее сказать, что уничтожила... Наверное, то был первый раз, когда она увидела Хэя по-настоящему рассерженным. Оставалось удивляться, почему он ещё не избавился от неё (а избавляться от людей он умел — она отчётливо понимала это). Его высокие навыки она оценила ещё во время первой встречи, когда тот с лёгкостью лесной лани справился с Юрием Ежи. При этом своего бывшего преподавателя слабым волшебником она не считала, пусть и знала его от силы месяц. Оставалось только гадать, насколько по-настоящему сильным был Хэй и на что он был способен, если во время того сражения ни капли не вспотел. И это не шутка: что-что, а вот его полную силу Хаён ещё не видела. И даже была не уверена, что хочет.

«Восстанавливаться так восстанавливаться — это лучшее, что могло случиться со мной в этот чудный день!» — подумала девушка и быстро согласилась со словами Хэя. Она кивнула и сказала:

— Хорошо!

Вот так, даже не дав каких-либо указаний (а для Хаён такое было впервые), Хэй оставил её этим утром одну в доме. Том самом доме на окраине Батора, с которого и началась её «новая» жизнь. Правда, здесь они бывали довольно редко.

Оставшись неожиданно в одиночестве, Хаён ничего не оставалось, кроме как начать обдумывать такое нетипичное поведения своего наставника.

Она пришла к выводу, что всё произошедшее, а ещё слегка растерянный вид самого Хэя (хотя это, возможно, просто от недосыпа) дело странное. Волей-неволей Хаён впала в

замешательство. Пусть всё и было не как обычно, но никакого подвоха девушка не видела.

«Подвоха ведь нет?..»

Поначалу она была уверена, что всё нормально... А уже через несколько минут размышлений в неё вселился самый настоящий параноик:

«Это неспроста...»

...

«Может, это часть очередного испытания?..»

...

«А, вдруг, он не вернётся...»

«Ушел навсегда?»

«Почему?»

«Нет, он не должен...»

«Может, я ему и вправду так сильно надоела?..»

...

И тут:

ШУХХХ...

Уйти слишком глубоко в свои размышления Хаён не смогла. Точнее, сделать это ей не дала некая сила, которая внезапно прошла по округе. Нет. Даже не сила, а какое-то труднообъяснимое изменение, как будто кто-то резко сдвинул занавес, превращая серую и пустую сцену до этого во что-то красочное и волшебное.

— Что это?!

Хаён даже не совсем понимала: ощущение было реальным или это лишь её воображение? Что-

то столь необычное и невероятно огромное...

«Нет! Это реально!» — в какой-то момент она полностью осознала это.

И тут... С одной стороны к ней пришло понимание... А с другой — появилось ещё больше вопросов.

Но в одном она была уверена: так или иначе, недавние действия Хэя без сомнения связаны именно с этим! С чем-то неизвестным, с чем-то могущественным!

«Но с чем?!»

Хаён впервые мучилась от такого сильного любопытства. Ей не сиделось на месте, а всё тело будто трепетало: одновременно от незнания, одновременно от домыслов.

Но ей повезло, и мучения не продлились долго: ответ, какой бы он ни был, пришёл быстро. И не удивительно: уже вскоре все говорили об этом, все писали об этом, все вещали об этом:

«...школу №...»

«...школу №...»

«...школу №...»

«...школу №...»

«...школу №...»

«...школу №...»

...

— Школу №10 сравнивали с землей! Сотни пострадавших, раненных и убитых! — повторил очередной диктор.

Хаён надолго застыла на месте. Она стояла, как колонна, подпирающая величественное здание. Разве что не хватало какой-нибудь глубокомысленной, пафосной или замудрённой фразы над ней, как например: «НЕ СОВЕРШИМ ОШИБОК ПРОШЛОГО!»

Поражена! Так можно было описать её внутреннее состояние. В какой-то момент ей стал

интересен только один вопрос:

— ...Мог ли это учудить Хэй?..

Глава 146. Не в себе (часть 5)

Иногда Хэй и сам задавался вопросом: «Как много я способен учудить?». Но к какому-нибудь явному ответу не приходил. Откладывал этот бессмысленный вопрос на потом, предпочитая обдумывать более важные вещи. Например, что приготовить на обед. Или ещё как вариант: будет ли вообще время на этот самый обед?

Сегодняшнее утро он считал просто замечательным, пусть сама ночь и выдалась не самой спокойной и лёгкой. Он планировал устроить небольшой выходной и показать своей протееже, что не такой уж он и безжалостный, как она его как-то обозвала в период своего физического и морального истощения. Не то чтобы его это задело, но она была доверена в его руки, причём не просто доверена, а доверена со словами: «...Либо избавься от неё, либо лелей, раз уж занялся самодеятельностью — другого не дано...» И если и было что-то, чего Хэй хотел сейчас меньше всего, так это чтобы эта «обуза» сбежала от него в первый удобный для неё момент. Иначе ему это будут припоминать очень, очень долго... И её побег — это не просто разыгравшаяся фантазия или какой-то комплекс Хэя: девочка быстро росла, не говоря уже о том, что она и изначально не была глупой и обладала добротными навыками.

Да, опыта ей недоставало, но это — не самое страшное. Зная буквы научиться писать слова — дело не самое трудное. А зная слова проще и с предложениями. А вот писать слова, и тем более предложения, не зная букв — затея уже такая себе. По этой аналогии Хаён знала все буквы, неплохо писала добрую часть слов, но сильно хромала в составлении предложений. Но ей повезло: Хэй определённо был не самым плохим преподавателем языка. Можно даже сказать, что он получил красный диплом в этой области... Будь у него родители, они определённо должны были бы гордиться им. Но не об этом.

Итак, в планах у него было приготовить вкусный обед, один из тех, которые он временами обдумывал у себя в голове; рассказать кое-какие поучительные истории Хаён и, само собой, проверить её навыки (без этого, да, никуда). А ближе к ночи отправиться по своим делам, прихватив с собой и свою «тень». И в целом, ничего не предвещало каких-либо изменений. Пока...

«Это...»

Хэй продрал глаза. Уже было довольно поздно. Может девять, а может и десять утра. Время для него всегда имело значение. Он встал и вышел. Внимательно осмотрелся. Появилось

странное чувство полного затишья. Такое ощущение было не столько проявлением его интуиции, сколько очень тонким, но в то же время невероятно сильным проявлением чувствительности к магическим колебаниям.

«Нет, мне просто чудится. Плохие воспоминания...»

Но Хэй не верил сам себе. Ему даже кошмары не снятся. Тогда с чего бы всплывать плохим воспоминаниям? Да ещё и в такой странной форме?

Подумав, что всё нормально, он вернулся в дом. Но лечь или тем более заснуть уже не мог. Выглядел он слегка растерянным, что для него редкость. К тому же, внутри росло сомнение. Но продлилось это не долго.

Он относился к тем людям, которые быстро принимают решения. Особенно, если их что-то гложет. Он пришёл к самому очевидному для себя решению:

«Лучше перепроверить!»

С этой мыслью он вошёл в комнату Хаён. Разбудил девушку. Стоит отдать должное, та, привыкшая к его ранним подъёмам и внезапным изменениям планов (а ещё ночным работам и безжалостному нраву), тут же подорвалась. Она стояла как штык, лишь молча глядя на него.

— Мне нужно отлучиться, — сказал Хэй.

— Я с вами не пойду?..

— Нет. В этот раз ты останешься здесь. Восстанавливайся...

Оставив девушку с небольшим удивление на лице, Хэй покинул дом. Он отправился удостовериться в своих домыслах (или опровергнуть их).

Что бы это ни было: проявление чрезмерной осторожности, паранойя или реальное ощущение — перепроверив всё самолично, Хэй останется удовлетворённым. Пусть это, в конечном счёте, и окажется первым или даже вторым вариантом.

«Лучше быть параноиком, чем наивным дураком, — подумал мужчина; эта мысль ему понравилась. — Хорошо звучит. Нужно будет рассказать (вбить) это и ей».

Знал он или нет, но кто-кто, а Хаён, медленно превращающаяся в параноика, точно оценит столь глубокомысленные слова...

Хэй направился ближе к центру города, а учитывая расстояние, ему для этого понадобится кое-какое время. Флайма у него не было: он в принципе не пользовался ими. Наблюдая эти воздушные очереди, знаки и множество запретов, ему становилось не по себе. Будто тебя ограничивают в собственных движениях, заколотив в ящик для кремации. А так как в своей жизни он испытал множество разных запретов, соблюдал правила и уставы, то сейчас, став независимым, он предпочитал жить вольно и свободно, по крайней мере, в тех аспектах, в которых мог себе это позволить.

Отсутствие множества ограничителей и моральных качеств, делали его тем, кем он был. Если ему что-то не нравилось, он мог даже пойти на заведомо проигрышную партию в шахматы. Ему повезло, что ему ещё не сломали нос шахматной доской или, того хуже, не забили ею до смерти. Правда, и совершить такой подвиг был далеко не каждый. Поэтому те, кто знали или даже просто слышали о Хэе и его «достижениях», опасались и боялись его. Таких было большинство, пусть и в лицо они его не знали.

Тёмный неприметный плащ, свисающие и торчащие по сторонам чёрные волосы, густая щетина — внешне Хэй определённо казался старше, чем выглядел на самом деле. И беднее... А его точный возраст не знал никто.

Глава 147. Не в себе (часть 6)

Даже в ясный день Хэй умудрялся быть незаметнее иглы в стоге сена. При этом он не обладал какими-нибудь невероятными фокусами для сокрытия, как это умели делать некоторые. Его методы были проще, удобнее (как считал он сам) и эффективнее. Хотя с последним можно было поспорить.

«Ну и ладно, — отвечал, бывало, Хэй людям, указывающим на "дыры" в его магии, — зато моё волшебство отточено до предела».

На самом деле, отвечал он так только единожды, но часто прокручивал эти слова у себя в голове. Они были второй или третьей по счёту его любимой мыслью, после, конечно же, рассуждений, чтобы приготовить себе на обед.

Может, ему просто нравилась эта фраза? Может, так оно и было, и он взаправду отточил навыки до предела? А, может, эти слова просто помогали ему смириться с тем, что его магия «сокрытия» была не без изъянов? Хотя «магией» её было назвать трудно, скорее — это было умение правильно использовать несколько разных магий по отдельности, создавая хоть и действенный, но не самый идеальный эффект невидимости. В общем, чтобы это ни было, факт оставался фактом: Хэй умел быть незаметным — это самое главное. А учитывая, что его ещё не поймали, не говоря уже о том, чтобы убить, продолжать сомневаться в его навыках и недооценивать его способности — глупо.

Сейчас Хэй двигался вперёд без какой-то явной цели, лишь оставлял позади себя улицы, здания, флаймы, людей. Он походил на сытого ястреба, который взлетел не ради поиска пропитания, выискивая жирную крысу или птичку послабее, а просто для того, чтобы полетать и насладиться ясной погодой. А крыса или птичка... Авось сама наткнётся на него? Кто знает?

Правда, этот мирный полёт не продлился долго: спокойствие, обманчивое затишье, — всё прошло очень быстро. Жирная крыса не просто мелькнула перед ним. Она неожиданно предстала перед всеми. Всем миром! Кроме того, это была не жирная крыса, а самый настоящий кашалот, с толстущей прослойкой синего жира! Такого не то, что не получится поймать, такой сам тебя проглотит и даже не заметит, что сделал это!

«Это...»

В этот момент Хэй одновременно признал и осознал то, что его скрывающие навыки, — лишь детский лепет! Маленький незначительный трюк по сравнению с тем, что он только что удостоился лицезреть!

«Учудить такое...»

Наверное, как и большинство людей, Хэй предположил бы, что дело тут связано с разногласиями между кланом Бортэ и Ганцом Йохансоном... Однако он знал только одного человека, способного так хорошо «консервировать» пространство... Так что сомневаться нет смысла — ответ лежал на поверхности.

Хэй планировал устроить сегодня выходной, но вместо этого его внезапно ждал тяжёлый день и такая же тяжёлая ночь... Что может быть хуже внеурочной работы, за которую тебе ещё и не заплатят?!

◇◇◇

(От 1 лица)

— Мне убить и их? — послышался из-за спины голос Хэя.

— Да, наверное, даже не знаю, — сказал я бессвязно, так как ещё обдумывал этот вопрос в голове.

— Подожди! — начал, было, Наран, но прежде, чем он всё испортит и всё пойдёт по

«кровавому» сценарию, я «задавил» его и его отца своей магической силой. Оба упали, потеряв сознание. В довершение родственнички синхронно стукнулись о деревянный пол.

— Ууу, наверное, больно. Садись Хэй. Вечно оставляешь всё на меня.

— Я постою.

— Как хочешь, — я пожал плечами. — Сразу к делу или, может, сделаешь нам чаю?

Хэй наконец-то вышел из-за спины и встал рядом. Среагировал он быстро:

— Хочешь чаю делай его сам, так что давай к делу.

— Ты прав, времени не так-то и много, — сказал я, улыбаясь, и добавил. — Тольконими эту маску. Ходишь в ней как актёр странствующего театра.

— Ты и сам знаешь, зачем она.

— Чтоб не влюблять в себя красавиц?

— Именно так, — иронично ответил Хэй.

— Тогда ладно, можешь, не снимать. Вдруг мне понравится, и я ещё голову потеряю...

— Ты не красавица! — только и услышал я в ответ. Причём по голосу было ясно, что Хэй запнулся, но сделал это слишком поздно. Видимо, пожалел о сказанных словах. Но, увы, птичка уже вылетела, хах.

— А вдруг? — поинтересовался я лукаво и продолжил нагнетать. — Ты обо мне многого не знаешь...

— ...

— Ладно-ладно. Чего я там не видел? Не хочешь снимать — не надо.

Глядя на меня сверху-вниз, Хэй сузил глаза.

Какое-то время мы смотрели друг на друга в молчании.

Потом он снял маску и сел.

— Так бы сразу. Так что, может, и чаю? Ты и не ел, наверное?

Не дожидаясь ответа, я заварил на двоих. Две кружки прилетели и спустились вниз. Используя пару магических слэмов, можно и ужин приготовить, не вставая с места, а тут всего лишь чай. Грустно, правда, что не каждый так делает. Для начала нужно научиться использовать сенсорное поле кварков, если не в совершенстве, так хотя бы на достаточно высоком уровне. «Видеть» магией, а не глазами. Есть и другие нюансы... Кроме того, такая готовка является и хорошей тренировкой контроля и концентрации. Но, увы, одни не умеют, другие побаиваются (но потихоньку учатся), третьи так вообще предпочитают готовить сами...

— ...не так ли, Хэй?

Глянув на меня вопросительным взглядом и поняв, что отвечать не стоит, он просто поблагодарил меня за чай и принялся пить.

— Тебе бы побриться, — сделал я «замечание».

— Отстань.

— Не, я серьёзно. Может, тебя обсмалить, как курочку? Было бы весело. Я умею обращаться с огнём...

В ответ на меня уставился злой взгляд.

— ...Раз-раз и гладкий, как попка Мишель...

— КХ-КХ...

— Подавился? Аккуратнее, я ведь тебе всегда говорю: не спеши, когда горячее пьёшь. Серьёзно, как маленький ребёнок, Хэй.

Посмеиваясь, я тоже отпил чаю. В отличие от ядовитой сонной отравы, сделанной четой Рамитов, этот был куда приятнее.